



# В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ СССР В БОРЬБЕ ЗА МИР

РАЗГРОМ ФАШИСТОВ В БЕЛОРУССИИ (1944 г.)

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПРОФСОЮЗЫ США

СТРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ СЕГОДНЯ

ПО СТРАНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

ДРЕВНЕЕ РОМУЛА

# 6

МОСКВА · 1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

## АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

В. Р. Кабо

Исследование далекого прошлого коренного населения Австралии в последние четверть века развивалось стремительно. Еще в конце 50-х годов автор этих строк, начиная изучение истории аборигенов пятого континента, столкнулся с широко распространенным тогда мнением, что его заселение человеком произошло не ранее 9—10 тыс. лет назад (это примерно соответствует началу мезолита). Бытовала точка зрения, что культура аборигенов Австралии не претерпела за истекшее время никаких изменений, что там было застывшее в своем развитии общество. Авторитетные ученые утверждали, что история аборигенов Австралии — это история неменяющегося народа в неменяющейся стране. Писали, что ее аборигены, а также связанные с ними общим происхождением аборигены Тасмании донесли до наших дней культуру палеолитической древности, самую архаичную из сохранившихся на Земле.

Но в 1960 г. была опубликована радиоуглеродная датировка черепа из Кейлора (Юго-Восточная Австралия): 18 тыс. лет! А заканчивая в 60-е годы работу над книгой о происхождении и истории коренных австралийцев<sup>1</sup>, автор смог опереться уже на факты, которые свидетельствовали, что заселение Австралии человеком началось не позднее, чем 30 тыс. лет назад (в плейстоцене, эпоха позднего палеолита). Относительная изоляция местного населения на протяжении тысячелетий, вплоть до европейской колонизации, позволяла думать, что здесь мы имеем дело действительно с очень древней, самобытной и сравнительно полно сохранившейся культурной традицией, восходящей к палеолиту. Выяснилось далее, что культура коренного населения Австралии развивалась, хотя и медленно, и что это развитие протекало в меняющейся природной среде. А это, в свою очередь, наложило глубокий отпечаток на развитие аборигенов — охотников и собирателей, тесно связанных с природной средой.

Позднее наукой древность заселения Австралии была углублена еще на несколько тысячелетий. А недавнее археологическое открытие относит следы деятельности человека уже к раннему палеолиту: в Западной Австралии, в аллювиальных отложениях р. Мерчисон, обнаружены каменные орудия, возраст которых более чем 100 тыс. лет<sup>2</sup>. Это означает, что Австралия была впервые заселена человеком не современного типа — неантропом, а его эволюционным предшественником — палеоантропом. Правда, единственная и изолированная находка не может служить основанием для коренного пересмотра всей проблемы происхождения человека в Австралии. Поэтому положение о том, что заселение пятого континента началось около 40 тыс. лет назад, остается наиболее обоснованным, опирающимся на серию археологических и палеоантропологических находок. Среди них — череп с оз. Манго (Новый Южный Уэльс), возраст которого по радиокарбону примерно 37 тыс. лет; открытым там же остаткам костра и сожженного на нем умершего человека — 40 тыс. лет. На севере Австралии, на п-ве Ариемленд, найдены древнейшие в мире каменные топоры, отшлифованные по рабочему краю, возраст которых достигает 22 700 лет<sup>3</sup>. В целом вся материальная культура австралийцев находилась на палеолитическом или мезолитическом уровне.

На протяжении 40 тыс. лет племена первобытных охотников, рыболовов и собирателей постепенно заселяли и осваивали пространства континента, адаптируясь к различным его зонам — от выжженных солнцем пустынь Центральной и Западной Австралии до влажных тропиков Севера, гор и долин Юго-Востока и Тасмании с харак-

<sup>1</sup> Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М. 1969.

<sup>2</sup> New Scientist, 15.VI.1978, p. 734.

<sup>3</sup> Mulvaneу D. J. The Prehistory of Australia. Ringwood. 1975; The Origin of the Australians. Canberra. 1976; Shuttler R. Radiocarbon Dating and Oceanic Prehistory. — Archaeology and Physical Anthropology in Oceania, 1978, vol. 13, № 2—3.

терным для них умеренным климатом. Происходило постепенное развитие культуры аборигенов, прошедшее несколько фаз эволюции, и в итоге возникла одна из самых замечательных цивилизаций каменного века. Научное значение этого факта очень велико. Живая культура, которая всегда была для исторической науки наиболее надежным источником сведений о жизни людей в каменном веке и о подлинном первобытном обществе, предстала в динамике, в самобытном и эндогенном развитии, приобрела историческую перспективу. Мы теперь знаем ее истоки и лучше понимаем, каким было общество аборигенов много тысячелетий назад и как оно стало таким, каким увидели его первые европейцы XVII—XVIII веков. В наши дни культура аборигенов продолжает быстро меняться, теперь уже под воздействием внешних, экзогенных факторов. Тем большую ценность приобретают материалы этнографии, отражающие облик традиционной культуры аборигенов, еще не искаженной европейской колонизацией. Что же представляли собою эта культура и это традиционное общество?

Прежде всего поражают богатство, разнообразие и насыщенность общественной и духовной жизни аборигенов. Жизнь людей каменного века оказалась совсем не такой бедной и примитивной, как можно было ожидать, знакомясь только с первобытными орудиями труда и ограниченным набором других предметов материальной культуры, естественным для почти постоянно кочующих пеших охотников и собирателей. За этой внешней отсталостью скрывались богатство духовного мира, бесконечное многообразие обрядов, культов, верований, мифов, сюжетов и форм изобразительного искусства, других проявлений народного творчества; пути межплеменного обмена материальными и духовными ценностями, пересекавшие континент во всех направлениях; сложнейшие системы родства и непростая, хотя и соответствующая первобытному укладу, социальная организация; наконец насыщенность и напряженность интеллектуальной деятельности, шитые собственными руками первобытными охотниками.

Их общество характеризовалось цельностью и устойчивостью. В нем существовали свои незыблемые ценности, связь с землей, уважение к прошлому, уверенность в будущем, коллективизм. Аборигены не были психологически подавлены борьбой за существование; у них имелся досуг, большое место в их жизни занимали праздники, обряды, изобразительное искусство и устное творчество. Они хорошо знали окружающую природу и обладали познаниями в географии, ботанике, народной медицине. Им были присущи твердые нравственные представления и социальные нормы.

В до- и послеколониальную эпоху ведущее место в системе традиционных социальных институтов занимала община (или локальная группа, как ее часто называют), как бы модель той, по которой строится и функционирует община любого охотничье-собирательского общества, сохраняющего свои устои. Изучая австралийскую общину, можно понять, что представляла собой в принципе социально-экономическая организация древних охотников и собирателей. Первобытная община исторически предшествует раннеземледельческой общине и как бы порождает ее. Переход к производящей экономике совершается на основе существующей социальной структуры внутри охотничье-собирательской общины как устойчивого института, но в то же время достаточно гибкого, чтобы стать коллективом с производящей экономикой<sup>4</sup>.

Община охотников и собирателей состоит из индивидуальных семей. На шкале развития социальных форм они представляют собой ту форму семьи, которую Ф. Энгельс называл парной. Мы же не называем сейчас семью у аборигенов Австралии парной лишь потому, что она зачастую не является таковой в буквальном смысле слова по причине свойственного многим местным племенам многоженства. Одна из главных задач первобытной общины — экономическое освоение принадлежащей ей территории. На основе естественного, половозрастного разделения труда как раз и осуществляются ее основные хозяйственные функции. Осваивая территорию, занимаясь папой охотой, собирательством и рыболовством, добывая необходимое для изготовления орудий минеральное сырье, община распадается на хозяйственные группы — меняющие состав и численность коллективы из нескольких семей, а то и на отдельные семьи, порой ведущие самостоятельное существование. Оставаясь сравнительно посто-

<sup>4</sup> Кабо В. Р. Австралийская община. В кн.: Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М. 1979; его же. У истоков производящей экономики. В кн.: Ранние земледельцы. Л. 1980.

янной общностью, община то рассеивается хозяйственными группами и семьями по земле племени, с согласия или по приглашению соседних общин того же племени, то вновь собирается в полном составе в зависимости от продовольственных ресурсов. Этими же факторами определяются размеры общины и плотность населения. Колебания носили правильный, циклический и экологически обусловленный характер.

Многочисленные факты, относящиеся к абorigенам, еще не затронутым воздействием колонизации, показывают, что община накануне колониальной эпохи оставалась основной территориальной и социально-экономической ячейкой абorigенов; что пульсация общины, ее периодическое дробление на хозяйственные группы являлись одним из характерных способов существования. В судебных журналах мореплавателей XVIII в., наблюдавших абorigенов восточного побережья Австралии в течение продолжительного времени, единодушно отмечаются значительные сезонные колебания в образе жизни абorigенов. Весной и в начале лета, когда в район будущего Сиднея приходили большие косяки рыбы, абorigены концентрировались на побережье крупными общинами. Зимой, когда рыбы становилось мало, общины распадались на мелкие группы, которые рассеивались по побережью или уходили охотиться в глубь страны<sup>6</sup>. У. Брэдли, посетивший побережье Нового Южного Уэльса в конце XVIII в., писал: «Почти повсюду мы встречали маленькие группы туземцев, занятых поисками пищи, но нигде не видели постоянных жилищ и поселений»<sup>6</sup>. Для абorigенов п-ва Кейп-Йорк и Западной Тасмании, напротив, была характерна круглогодичная зависимость от продуктов морского промысла. С этим была связана значительная степень оседлости<sup>7</sup>. «Туземцы Порт-Джексона и заливов Ботани и Брокен жили семьями, каждая в своей особой местности», — писал Д. Коллинз<sup>8</sup>. «Их единственные общественные подразделения — семьи», — сообщал другой свидетель<sup>9</sup>.

Под семьями во многих случаях надо подразумевать общины; ведь постороннему наблюдателю не всегда легко было понять, имеет ли дело с отдельной семьей или небольшой группой семей. Один из первых путешественников по еще не освоенному европейцами Новому Южному Уэльсу Дж. Оксли сообщал о встречах и с отдельными семьями и с группами семей — хозяйственными группами и общинами, бродившими в поисках пищи. Встречал он и группы одних мужчин — охотников и воинов, вероятно, целевые, которые строятся по половозрастному принципу<sup>10</sup>. Функционирование охотничье-собирающей общины в составе целевых групп, предназначенных для выполнения одновременных задач (охота, обряд и т. д.), — не менее характерная ее черта, чем функционирование в составе хозяйственных групп. Беглый каторжник Дж. Грахем провел в начале XIX в. шесть лет в одном из племен Нового Южного Уэльса. Община, в которой он жил, была «немного крупнее, чем большая семья», и постоянно переходила с места на место<sup>11</sup>.

По другому сообщению от того же времени, общины Нового Южного Уэльса насчитывали в среднем 30—50 человек. Границы своих территорий они пересекали лишь в редких случаях, главным образом для совместных обрядов. «После этого они возвращались на свои охотничьи и рыболовные угодья, выходить за пределы которых во всякое иное время считалось актом агрессии и было сигналом к войне»; в границах этих земель они переходили с одного места на другое в соответствии с временем года и наличием водных источников<sup>12</sup>. Еще один свидетель писал: «Туземцы разделены на бесчисленное множество маленьких племен... Каждое имеет собственный участок земли для охоты, за пределы которого оно почти никогда не выходит... Иногда племя кочует группами из пяти или десяти человек, а в другое время все его члены

<sup>6</sup> Lawrence R. *Habitat and Economy: a Historical Perspective*. In: *Aboriginal Man and Environment in Australia*. Canberra. 1971, p. 255.

<sup>6</sup> Bradley W. *A Voyage to New South Wales, 1786—1792*. Sydney. 1969, pp. 76—77.

<sup>7</sup> Кабо В. П. Тасманийцы и тасманийская проблема. М. 1975, с. 112, 116, 128.

<sup>8</sup> Collins D. *An Account of the English Colony in New South Wales*. Vol. 1. Lnd. 1798, p. 544.

<sup>9</sup> Turnbull J. *A Voyage round the World 1800—1804*. Lnd. 1813, p. 97.

<sup>10</sup> Oxley J. *Journals of Two Expeditions into the Interior of New South Wales*. Lnd. 1820, *passim*.

<sup>11</sup> Gibbings R. *John Graham, Convict*. Lnd. 1961, p. 78.

<sup>12</sup> Breton H. W. *Excursions in New South Wales, Western Australia and Van Diemen's Land*. Lnd. 1833, pp. 215—217.

собираются в одном стойбище... На стоянке каждая семья имеет собственную хижину из коры и собственный огонь»<sup>13</sup>. А вот что сообщал об аборигенах Нового Южного Уэльса русский мореплаватель Ф. Ф. Беллинсгаузен: «Все живут обществами по двадцати пяти, пятидесяти до шестидесяти человек и более, каждое имеет свое название... Правление их до прибытия англичан было патриархальное, каждое общество управлялось старейшим... Они живут по большей части на пространных местах, но не имеют постоянных устроенных жилищ... Природные жители весьма хорошо помнят свою собственность. Некоторые объясняют права свои на известные места, говоря, что принадлежали их предкам»<sup>14</sup>.

Образ жизни коренных жителей Виктории до колонизации рисуют также воспоминания У. Бакли, беглого каторжника, который прожил среди аборигенов 32 года, начиная с 1804 г. Значительную часть времени он провел в небольшой группе, в состав которой был принят. Он называл ее семьей, т. к. все ее члены состояли в родстве. Нередко она странствовала и добывала пищу самостоятельно; так могло продолжаться несколько недель или месяцев; а затем она присоединялась к более многочисленной группе или навещала соседнюю общину. В наследственной собственности каждой общины имелось несколько охотничьих и собирательских угодий, которые аборигены посещали попеременно, в зависимости от наличия продовольственных ресурсов<sup>15</sup>. Г. Ллойд, один из пионеров освоения Виктории в начале XIX в., писал о встречах с общинами численностью в 50—60 человек (подобно многим другим европейцам он называл их племенами). Каждой общине принадлежали собственные участки. Покупая землю у аборигенов, Ллойд обошел свой участок с их старейшинами, и они отметили деревья по углам его «по обычаю аборигенов»<sup>16</sup>.

Согласно одному из ранних свидетельств, аборигены Южной Австралии жили «большими семьями» (родственными группами или общинами), внутри которых царили отношения равенства и первобытного демократизма. Старшие мужчины, искусные и опытные воины и охотники, руководили всеми делами. Каждая община имела в наследственной собственности участок земли. В пределах этих территорий аборигены постоянно переходили с места на место: мужчины охотились, женщины собирали растительную пищу<sup>17</sup>. К тому же времени относятся замечания другого автора, что аборигены зал. Энкауитер и низовьев Муррея «делятся на племена, которые рассматривают себя как большие семьи... Каждое племя получило свое название от местности, в которой оно живет и которую оно считает своей собственностью». Очевидно, и тут под словом «племена» скрывались общины. Далее автор пишет, что «каждое племя имеет патрона или покровителя» в виде какого-либо элемента природы, например, грома или животного<sup>18</sup>.

Это — одно из самых ранних сообщений об австралийском тотемизме, почти одновременное сообщению Дж. Грея, относящемуся к Западной Австралии и опубликованному в 1841 году. Общины были экзогамны: браки заключались только между представителями различных «племен». Традиционное разделение труда между мужчинами и женщинами отмечено и здесь. Наконец, говорится, что «племя» переходит с одного места на другое в полном составе только там, где в изобилии имеется пища; обычно же оно рассеивается в поисках пищи небольшими группами<sup>19</sup>.

Итак, сезонная адаптация образа жизни и занятий, подвижность, ритмичная изменчивость величины объединения от сравнительно крупных общин до небольших хозяйственных групп и отдельных семей — вот что было свойственно аборигенам в доколониальный и раннеколониальный период, когда еще не были подорваны прежние устои их жизни. В наследственной собственности отдельных общин находились участки земли, которые составляли основу их существования. Все это характерно для

<sup>13</sup> Henderson J. Excursions and Adventures in New South Wales. Vol. 2. Lnd. 1851, pp. 107—109.

<sup>14</sup> Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов. М. 1949, с. 253, 257.

<sup>15</sup> Подробнее см.: Бакли У. Австралийский Робинзон. М. 1966.

<sup>16</sup> Lloyd G. T. Thirty Three Years in Tasmania and Victoria. Lnd. 1862.

<sup>17</sup> Tieschelman C. G. Aborigines of South Australia. Adelaide. 1841, pp. 6—7.

<sup>18</sup> Meyer H.-E.-A. Manners and Customs of the Aborigines of the Encounter Bay Tribe, South Australia. Adelaide, 1846, pp. 1—3.

<sup>19</sup> Ibid., pp. 4—5.

охотников и собирателей и в других частях света. Обусловленность общинной организации естественно-географической средой выражалась и в том, что в пустынных областях плотность населения низка, территории общин обширны, границы довольно неопределенны, общины же ведут кочевой образ жизни; напротив, в благоприятных условиях, особенно на морских побережьях и по берегам крупных рек, плотность населения выше, территории общин меньше, границы их выражены более четко, а люди ведут полуседельный образ жизни. Этому соответствует и средняя численность общин, которая тоже меняется вместе с географическими условиями. Так, в пустынях она составляет 25 человек, в хорошо орошаемых прибрежных областях — от 50 до 100 человек<sup>20</sup>. К началу европейской колонизации в Австралии жило около 600 племен; территория каждого занимала от 380 кв. км в благоприятных областях до 100 тыс. кв. км в пустынях; средняя численность племени составляла 450 человек<sup>21</sup>.

Демократизм и коллективизм первобытной общины были основаны на экономическом равенстве ее членов. В правах на природные богатства все члены общины равны: земля и ее ресурсы принадлежат трудовому коллективу в целом и не могут отчуждаться, хотя на распределении продуктов частично отражается дифференциация, свойственная первобытному обществу. Члены общины связаны прочными узами взаимных обязательств и взаимной ответственности. Однако уже имело место социальное расчленение. Племенные вожди для австралийцев нехарактерны, хотя некоторые авторы писали об их существовании, и еще менее характерны для них наследственные формы власти. Но часто во главе общин стояли мужчины в расцвете способностей, по возрасту не самые старые. Это опровергает широко распространенное представление о геронтократии — власти стариков, якобы свойственной австралийцам. Наряду с такими руководителями общин имелись руководители обрядов — знахари и шаманы.

Принципы коллективизма отражались в распределении продуктов охоты и собирательства. Тем не менее оно не носило уравнительного характера. При всем многообразии обычаев, связанных с распределением пищи, действовали строгие нормы, указывающие, кому, когда и сколько пищи должно доставаться, как делить то или иное животное и кому какая часть предназначена. Эти правила предусматривали три группы факторов. Во-первых, степень участия, место и роль добытчиков пищи в ее добычании. Так, охотник, убивший животное, сам распределял его между остальными участниками охоты, причем ему доставалась порою не лучшая часть, а иногда и вовсе ничего. Распределение зависело также от затраченного труда и от того, в чей собственности находятся орудия труда. Далее, сказывался характер внутриобщинных отношений: учитывались пол, возраст, пищевые запреты, налагаемые на подростков, еще не прошедших посвящение во взрослых, на женщин в период беременности и кормления детей; преимуществами обладали старшие мужчины, главари, колдуны и знахари. Наконец, характер межобщинных отношений: определенные части добычи предназначаются для родителей жены охотника и прочих свойственников, живущих в другой общине. Тем самым узаконенное обычаем распределение пищи между родственниками по браку способствовало укреплению традиционных контактов между общинами<sup>22</sup>. Родственники, принадлежащие к другой общине, получали лучшую часть добычи, что подчеркивало значение связей по браку<sup>23</sup>. Процесс распределения как категория экономическая был наполнен глубоким социальным содержанием и призван укреплять традиционные связи.

В то время, как общины выполняли главным образом экономические функции и состояли из семей, связанных узами кровного родства, свойства или дружбы, роды включали в свой состав только кровных родственников, связанных общим происхождением по материнской или отцовской линии. Характерным признаком рода является родовая экзогамия — запрет вступать в брак внутри рода. Род не может состоять из семей, ибо каждая семья включает представителей по крайней мере двух родов. Родовая организация получила развитие на основе общины как устойчивой формы, необ-

<sup>20</sup> Krzywicki L. Primitive Society and Its Vital Statistics. Warsaw. 1934, pp. 5—6.

<sup>21</sup> Tindale N. B. Aboriginal Tribes of Australia. Berkeley. 1974.

<sup>22</sup> Strehlow C. Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien. Bd. 4. Abt. 2. Frankfurt. 1913. S. 4., 12.

<sup>23</sup> Gould R. A. Yiwara. Foragers of the Australian Desert. N. Y. 1969, pp. 16—18.

ходимой для самого существования первобытных людей, а произошло это там, где оформились такие предпосылки родовой организации, как общинная экзогамия и устойчивые связи между общинами (вступающими в брачные отношения между собой), а также преобладание генеалогических связей. По мере развития родовая организация становится одним из важнейших регулирующих и нормативных механизмов первобытного общества.

В качестве территориальной и социальной общности австралийская община несравненно важнее, чем племя, которое у австралийцев представляло собой аморфную совокупность общин, экономически осваивающих племенную территорию, разделенную на общинные участки, но слабо связанных между собой. В общине проходила значительная часть жизни аборигена, здесь было средоточие его социальных связей. Общины одного племени собираются вместе лишь от случая к случаю, а большую часть года вообще не встречаются. Местами племенные общности предстают настолько неопределенными, что некоторые исследователи вообще сомневались в существовании там племен. Границы языка и племени тоже не всегда совпадают. Нередко представители одного племени говорят на разных языках, хотя внутри племени существует язык преимущественного общения, понятный всем его членам.

То, что отражало племенную общность, могло ограничиваться лишь представлением людей о принадлежности к какому-то племени, т. е. племенным самосознанием. Его выражением являлось самоназвание. Но племя могло и не иметь единого наименования. Тогда отдельные общины, входившие в него, выступали под собственными названиями. Так случалось, когда племя еще не оформилось в общественном сознании как целое. Экономически в качестве субъекта собственности на землю тоже выступала прежде всего община. В Австралии общинная собственность на землю выражена всегда с большей определенностью, чем племенная собственность.

На этой, ранней стадии развития племени как социального института оно не выступало еще и в качестве политически организованного единства. Составляющие племя общины являлись автономными, самоуправляющимися ячейками. Прослеживаются лишь первые ростки племенной власти: отдельные общины эпизодически выдвигают из своей среды способных и авторитетных руководителей, влияние которых распространяется порою за пределы их общин. Зато явления материальной и духовной культуры — всевозможные изделия, верования, мифы, обычаи, обряды — распространялись далеко за пределы племенных границ по путям обмена, покрывавшим густой сетью всю Австралию. Соседние племена часто связаны общей мифологической традицией, хотя при этом каждое племя считало «своим» только одно из звеньев этой мифологической цепочки. Таким образом, австралийское племя было и осталось формирующимся этносоциальным организмом.

В советской науке давно обсуждается вопрос о том, какие социальные общности первобытности несли в себе этнические свойства и признаки и какую из них можно рассматривать как основную этническую общность той эпохи. В традиционном австралийском обществе (да и во многих других охотничье-собирательских обществах) это были именно общины, поскольку им такие свойства и признаки были присущи в наибольшей степени. На базе общины возникло и самосознание аборигена как члена определенной общности. В традиционных условиях самоопределение аборигена имело ярко выраженный локализованный характер. Социальная и культурная перспектива человека была узко групповой. Вершиной, с которой он обозревал мир, являлась его община, которая как точка отсчета или своеобразный центр мироздания находилась в основе его модели мира. Это выражалось даже графически: в картах-схемах, рисуемых на земле, и в наскальных изображениях (концентрические окружности). Мир для аборигена означал не только весь континент с небесами, но и собственную общину — замкнутую среду. А мир за пределами общины был враждебен.

Вследствие преобладания внутриобщинных контактов над межобщинными в общине формировались особенности культурных традиций, иногда и языка. Согласно многочисленным данным, относящимся к различным частям Австралии, аборигены считали, что у каждой общины — свой язык, причем во многих случаях этнографы и лингвисты действительно фиксируют диалектные различия между соседними общинами одного племени. Это свойственно некоторым племенам даже Юго-Восточной Авст-

ралии, которые характеризовались сравнительно высокой степенью консолидации и межобщинных связей<sup>24</sup>.

Самобытность общин проявлялась и в духовной культуре, особенно в религиозно-обрядовой сфере<sup>25</sup>. Тотемический культ и соответствующая мифология были тесно связаны со святилищами на территории общины, а носители культа — это ядро общины, состоящее из посвященных мужчин. Социальная и экономическая необходимость, объединяющая общину, находила выражение в коллективных обрядах, религии и мифологии и на них же опиралась как на свое идеологическое обоснование. Тотемизм и другие формы религиозно-обрядовой жизни и идеологии на уровне общины суть выражение самого факта существования общины как стабильного, наследуемого из поколения в поколение единства. Вот почему эти формы находили порой особое, неповторимое сочетание, свойственное лишь данной общине. Неудивительно, что австралийские общины обычно имели собственные названия<sup>26</sup>. Сказанное приводит к заключению, что именно австралийская община в традиционных условиях являлась главной носителем этнических свойств.

Связь человека с землей — наиболее яркая черта общественной и культурной жизни австралийцев. Глубокая эмоциональная привязанность аборигена к земле его предков, реальных и мифических, сказывалась в стремлении стариков умереть непременно тут. С нею ассоциировались все события мифологии: мифические предки и герои легенд, завершив свой земной путь, превращались в скалы, деревья и водоемы, которые становились святилищами, где затем совершались обряды, направленные на то, чтобы жизнь природы и человеческого общества продолжалась. Эти обряды часто представляли собой драматические мистерии, воспроизводящие события мифической эпохи — «времени сновидений», как называют ее аборигены. В их традиционном мировоззрении «времени сновидений» принадлежит центральное место<sup>27</sup>. Оно не имеет пространственных и временных координат. Хотя «время сновидений» связано с представлением о священной и героической эпохе далекого прошлого, оно остается для аборигенов неотъемлемой частью настоящего и вторгается в него, как живая реальность, но особая, высшая реальность, которая существует наряду с эмпирической реальностью и пронизывает ее собою: это непрекращающийся процесс формирования и функционирования мира.

Герои и события мифической эпохи для аборигенов не менее реальные, чем люди и события настоящего. Аборигены уверены, что сами они суть живые воплощения этих героев. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в их сознании в непрерывный поток, где жизнь и смерть — только две грани вечного бытия, ибо с физической смертью жизнь не прекращается. Деревянные или каменные священные предметы — чуринги, бережно сохраняемые в святилищах, были у них воплощением живого человека, его мифического предка и их духовной субстанции. Имеется, однако, иная точка зрения: что в чуринге австралийцы видели «второе тело» человека и в то же время превращенное тело его тотемического предка<sup>28</sup>.

Но, наряду с мифом и отвечая жизненным потребностям, пробиравли себе дорогу понятия исторического времени и географического пространства. С потребностью сохранения памяти о прошлом была связана одна из главных функций рисуночного письма — пиктографии, в которой соединялись искусство, зарождавшаяся письменность и история. Наиболее архаическая ступень развития письма представлена у племени валбири, у которого схематические рисунки на песке сопровождают и поясняют собой рассказы о событиях мифического прошлого<sup>29</sup>. Мы находимся здесь как бы у порога возникающей истории, хотя пока это еще «священная история». Здесь начально формируются важнейшие предпосылки истории как суммы знаний о реальном про-

<sup>24</sup> Howitt A. W. The Native Tribes of South-East Australia. Lnd. 1904. pp. 73—74; Mathews J. The Two Worlds of Jimmie Barker. Canberra. 1977. pp. 27—29.

<sup>25</sup> Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М. 1981, с. 221—222.

<sup>26</sup> Australian Aboriginal Concepts. Canberra. 1978. p. 156.

<sup>27</sup> Elkin A. P. Studies in Australian Totemism. Sydney. 1933.

<sup>28</sup> Spencer B., Gillen F. The Arunta. Vol. 2. Lnd. 1927. pp. 585—586; Strehlow C. Op. cit. Bd. 2. Frankfurt. 1907. S. 75—77.

<sup>29</sup> Munn N. D. Walbiri iconography. Ithaca. 1973.



шлом. Налицо общественная потребность в таком знании и средства его фиксации. А осознание географического пространства было началом землеведения. Мифологическое пространство, подобно мифологическому времени, не знало границ. Его безграничность и всепроницаемость сказывались в том, что мифологические существа не ограничены одним телом и одной точкой в пространстве, но как бы вездесущи.

Свидетельствами познания географического пространства — охотничьих территорий, ареалов расселения, мест, где проходили и действовали герои мифологии, — являются примитивные географические схемы. К стадially наиболее ранним относятся условные изображения центров тотемического культа, расположенных на территории общины, вырезанные на чурингах и копьеметалках: своего рода тотемические карты местности. А т. к. эти святилища обычно совпадают с водоемами, такая карта одновременно является географической. Географическими схемами были иногда и жезлы-послания. На одном из них схематически показано расположение трех племен (одно из них приглашало другое напасть на третье); при помощи линий, зигзагов и других условных обозначений изображены горы, реки и пр.<sup>30</sup> Знаки на жезлах-посланиях несли разнообразную информацию: были свидетельствами полномочий, приглашением посетить какие-то обряды и межплеменные встречи, указывали количество дней пути и число приглашенных, направление, в котором следует идти.

Эта информация опиралась на мышление уже в понятиях пространства, времени и количества, материализованное в символической форме. В качестве жезла-послания могла использоваться копьеметалка — универсальное оружие охотника. Очевидец рассказывал о такой копьеметалке из Виктории, знаки на которой были вырезаны предводителем одной из групп, приглашавшим на встречу другую группу. Круг в центре изображал место встречи, четыре ряда нарезок — количество приглашенных, два круга и указывающая на них рука означали встречу<sup>31</sup>. Символическое изображение руки австралийцы, подобно людям европейского палеолита, часто оставляли в пещерах, на скалах и других посещаемых местах: она служила своего рода автографом конкретного человека и изображалась только на территории или в святилище его группы. Жезлы-послания вручались особыми послами или вестниками, причем личность посла уже в первобытном обществе считалась неприкосновенной, а жезл подтверждал это право.

Издавна распространено мнение о бедности и ограниченности словарного запаса языков охотников и собирателей, отсутствии в них слов для выражения отвлеченных понятий. Такое суждение восходит ко времени, когда эти языки были слабо изучены. Теперь оно опровергается многочисленными фактами. Зафиксировано немало терминов из языков племен Нового Юэльса и Виктории, свидетельствующих о сравнительно развитом абстрактном мышлении аборигенов. Имелось отдельное слово для каждого вида птиц, но было и обобщающее слово «птица». Имелись видовые слова для каждой породы деревьев, но было и родовое слово «дерево». Имелось особое слово для земли, сожженной солнцем (маравура), но существовало и просто слово «земля», «почва» (дьюккун). Перья ему назывались «гурунгуна», но имелось слово для перьев в целом — «бубил». То же относится к социальной терминологии. Для посвящаемого на каждой стадии посвящения существовало особое слово, но было и обобщающее слово «иницируемый». Имелись отдельные обозначения для мужчин и женщин, людей разного возраста и разных родственных отношений к говорящему, однако существовало также слово, объединяющее всех: мангирба — «люди»<sup>32</sup>. По данным, относящимся к племенам Квинсленда, у них бытовали отдельные слова, которыми обозначались птицы любой породы, все рыбы, все змеи. Имелись слова и для выражения абстрактных понятий: большой, малый<sup>33</sup>.

Представление, что первобытные люди были лишены способности к абстрактному мышлению, ошибочно<sup>34</sup>. Просто эта способность реализовывалась в границах их жиз-

<sup>30</sup> Bastian A. Australische Botenstäbe.— Zeitschrift für Ethnologie, 1882, Bd. 14, S. 370—371.

<sup>31</sup> Dawson J. Australian Aborigines. Melbourne. 1871, p. 73.

<sup>32</sup> Mathews R. H. Ethnological Notes on the Aboriginal Tribes of New South Wales and Victoria. Sydney. 1905, pp. 23—27.

<sup>33</sup> Roth W. E. Ethnological Studies among the North-West-Central Queensland Aborigines. Lnd. 1897, pp. 49—51, 54.

<sup>34</sup> Elkin A. P. Elements of Australian Aboriginal Philosophy.— Oceania, 1969, vol. 40, № 2, p. 87.

ненного опыта, исторически обусловленного. «Можно сказать почти с полной уверенностью, — пишет один из специалистов, — что повседневный словарь аборигенов Центральной Австралии в доколониальное время насчитывал по крайней мере пять тысяч слов. Но вдобавок все мужчины, прошедшие посвящение, были обязаны знать язык секретных обрядов, священный язык мифов и сказаний, поэтический язык священных песен. Поэтому всем взрослым полнопосвященным мужчинам приходилось затрачивать много лет, изучая обширные словари этих секретных языков. В результате многие пожилые руководители обрядов располагали словарным запасом, который насчитывал свыше тридцати тысяч слов»<sup>35</sup>.

Мировоззрение первобытного общества проникнуто пафосом единства человека и природы. Поэтому его религиозно-обрядовая система в значительной мере направлена на поддержание оптимальных отношений человека с природной средой. Эти отношения мыслились не как господство над природой, а как поддержание равновесия в природе, сохранение утвердившегося порядка вещей. Понимание «обрядов умножения» как обрядов увеличения производительных сил природы неточно: прибегая к таким обрядам, австралийцы стремились лишь к сохранению естественных ресурсов на обычном уровне, к поддержанию нормального функционирования природы<sup>36</sup>. Аборигены верят, что с помощью обрядов души животных, убитых на охоте, возрождаются к новой жизни; таким способом восстанавливается равновесие людей и животных. Аборигены не пытаются «идти против природы; им только надо, чтобы она не менялась»<sup>37</sup>.

В разных частях Австралии прослеживаются следы древнего сочетания обрядов умножения и посвящения. Таковы обряды кулама племени тиви на о-вах Мелвилл и Батерст в конце периода дождей, когда созревал ямс. Во время обрядов ямс пекли и ели, им натурались<sup>38</sup>. Глубочайший смысл обрядов этого типа — в утверждении контроля не только над силами внешней природы, но и над самим человеком. Ритуальная смерть посвященных — не физическая смерть, а преобразование, как бы возвращение их к новой жизни в качестве обновленных существ. По-видимому, первоначально те и другие обряды составляли единую систему. Посвящение неофитов проводили над изображенным на земле лабиринтом или его производными — концентрическими четырехугольниками, меандрами и волнистыми линиями. Изобразительная символика очень архаична: она восходит к позднему палеолиту и на протяжении тысячелетий ассоциировалась с представлениями об «ином мире» — обители мертвых, с идеей смерти и возрождения. Сложные переплетения линий, в которые иногда врисованы очертания животных, обнаружены также на стенах европейской палеолитических пещер. В пещере Куналда (Южная Австралия) им до 30 тыс. лет<sup>39</sup>. Существует версия, что эти петроглифы являются схемами подземного мира, куда уходят и откуда возвращаются животные и люди, вызванные к новой жизни магическими обрядами.

Свойственные австралийскому искусству условные геометрические композиции и символы, воплощающие абстрагированные формы вещей или отвлеченные понятия, сочетаются с произведениями, тяготеющими к реализму. Эти две основные формы первобытного изобразительного искусства развивались параллельно и отражали различные требования к художественному освоению действительности, происходящие из структуры первобытного общественного сознания. Для искусства аборигенов абстрактный символизм был характерен не менее, чем предметный реализм, в чем тоже проявляется их способность к отвлеченному мышлению. Австралийский художник стремился передать не иллюзию действительности, а ее сущность, скрытую за поверхностью явлений. Хотя набор элементов многозначности и полифункциональности был сравнительно скуден, это не мешало художнику даже ограниченными средствами отображать богатство и многообразие окружающего мира и мифологии, ибо в один элемент вкладывалось различное содержание.

<sup>35</sup> Strehlow T. Aboriginal Language, Religion and Society in Central Australia. — Australian Territories, 1962, vol. 2, № 1, p. 9.

<sup>36</sup> Meggitt M. J. Desert People. Sydney, 1962, p. 221.

<sup>37</sup> Берндт Р. М., Берндт К. Х. Ук. соч., с. 204.

<sup>38</sup> Hart C. W., Pilling A. R. The Tiwi of North Australia. N. Y. 1960.

<sup>39</sup> Archaeology of the Gallus Site, Koonalda Cave Canberra. 1971.

Традиционные формы этого искусства наполнены сутью, понятной лишь посвященным. Символические схемы — шифр, скрывающий от посторонних содержание изображаемого. В композиции из нескольких абстрактных символов могло быть зашифровано содержание большого мифа. Количество вариантов возможных сочетаний отдельных элементов невелико; тем разнообразнее и богаче содержание, вкладываемое в них аборигенами. За символикой австралийского искусства скрыто мировоззрение племени. В зависимости от общественной функции одно из двух аналогичных произведений искусства оказывалось доступным всему обществу, другое — только посвященным. А внешнего различия между ними могло не быть. Следовательно, произведение искусства коренных австралийцев, как и первобытного искусства в целом, до конца раскрывается тогда, когда понятна его социальная функция.

Вплоть до европейской колонизации аборигены Австралии оставались охотниками и собирателями. Вот почему австралийские этнографические материалы вошли в основной фонд истории первобытного общества. Изучение жизни и культуры коренного населения Австралии и сегодня сохраняет первостепенное значение для решения многих фундаментальных проблем. Сами аборигены к началу европейской колонизации в 1788 г. населяли всю Австралию. Их численность достигала около 300 тыс. человек <sup>40</sup>. Первая четверть XIX в. была периодом бесконтрольного захвата земель скваттерами-овцеводами. Австралия становилась крупным экспортером шерсти, и для ее производства требовались обширные пастбища. Полностью игнорировался тот факт, что эта земля являлась собственностью аборигенов, заселена и используется ими. Природная среда, в единстве с которой жили бесчисленные поколения аборигенов, так стремительно менялась под воздействием овцеводства, что традиционное охотничье-собирательское хозяйство становилось невозможным, а их самих истребляли либо оттесняли в бесплодные и удаленные области, или же они вымирали от занесенных европейцами болезней. К началу XX в. осталось около 67 тыс. аборигенов <sup>41</sup>.

Дальнейшее наступление на их земли связано с развитием горнодобывающей промышленности, строительством дорог и увеличением численности белого населения. До второй мировой войны численность коренных австралийцев продолжала снижаться, причем одна из главных причин их вымирания носила психологический характер: разрушение существовавшей тысячелетиями хозяйственной системы, социальной организации и культуры привело к исчезновению веры в будущее, апатии и духовному вакууму, когда прежние духовно-нравственные ценности утрачены, а новые не сложились. Только после второй мировой войны стало очевидным, что аборигены не исчезнут: впервые после начала колонизации было отмечено увеличение их численности. В 1947 г. в Австралии имелось около 74 тыс. аборигенов и метисов, к 1966 г. — свыше 79 тыс. <sup>42</sup>, причем до 50-х годов рост происходил за счет метисов, а с 50-х годов стало больше и чистокровных аборигенов.

Это было связано с началом политического движения аборигенов, активизацией борьбы за улучшение социально-экономических условий их жизни и гражданское равноправие. В 1946 г. произошла первая крупная забастовка аборигенов, занятых в овцеводстве (на северо-западе Австралии). Пробудилось и их национальное самосознание. Впервые многие представители разрозненных племен ощутили себя единой этнической общностью <sup>43</sup>. В то же время пробуждение национального самосознания сочеталось у части аборигенов с тенденцией к сознательному отходу от традиционного культурного наследия, к культурной ассимиляции.

В 1976 г. в Австралии насчитывалось 40 тыс. чистокровных аборигенов и 100 тыс. метисов. В настоящее время тех и других — более 150 тысяч <sup>44</sup>. По прогнозам демографов, к концу столетия в стране будет до 0,5 млн. аборигенов <sup>45</sup>. Более

<sup>40</sup> Radcliffe-Brown A. R. Former Numbers and Distribution of the Australian Aborigines.— Official Yearbook of the Commonwealth of Australia, Melbourne, 1930, vol. 23, pp. 687—696.

<sup>41</sup> Jones F. L. The Structure and Growth of Australia's Aboriginal Population. Canberra, 1970, p. 4.

<sup>42</sup> Ibid.

<sup>43</sup> Роуз Ф. Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее. М. 1981.

<sup>44</sup> Identity, 1976, vol. 2, № 8, pp. 15—16; 1978, vol. 3, № 7, p. 28.

<sup>45</sup> Jones F. L. Op. cit, pp. 36—37.

20 тыс. из них живут ныне на землях резерваций и своих коренных, при миссиях и правительственных поселениях в отдаленных областях Северной Территории, Квинсленда и Западной Австралии. Они еще сохраняют элементы традиционной культуры и общественного строя. Некоторые группы не отказались от кочевого охотничье-собираательского хозяйства и проводят часть времени в традиционных условиях, а другую — в постоянных поселениях, сочетая сезонно-оседлый образ жизни и работу по найму с охотой и собирательством. Увеличивается количество аборигенов в городах. Из-за невозможности получить удовлетворительное образование и вследствие бытующих расовых предрассудков они вынуждены довольствоваться неквалифицированной и низкооплачиваемой работой. Интеллигенция из их рядов немногочисленна, но вносит своей деятельностью значительный вклад в развитие современной национальной культуры аборигенов и в борьбу за улучшение условий жизни. Аборигены уже выдвинули из своей среды самобытных писателей, поэтов, художников и идеологов национального движения.

Новый шаг в национально-освободительном движении и этническом развитии аборигенов наметился в 1970-е годы. Еще в 1967 г. состоялся общеавстралийский референдум, в ходе которого 92% граждан континента высказались за исключение из конституции Австралийского Союза статей, ставящих аборигенов в неравноправное положение, после чего аборигены получили равные с белыми гражданские права. Однако практическая реализация решений референдума шла медленно, правительства штатов неохотно передавали соответствующие полномочия центральному правительству, а в Квинсленде решения референдума доныне не выполняются. Особое значение имело выступление племени гуиндья в 1966—1967 гг., чья земля давно захвачена крупной скотоводческой компанией, а сами гуиндья вынуждены работать пастухами за ничтожную плату на скотоводческих хозяйствах вдали от родных мест. Видя, что наниматели не собираются уступать их требованиям о предоставлении равных с белыми условий труда, гуиндья оставили работу и вернулись на племенную территорию, откуда направили федеральному правительству петицию с просьбой отдать им в вечную собственность часть традиционных земель. Правительство отетило отказом, но гуиндья не покинули свою землю и организовали там собственное хозяйство.

Требование вернуть племенные земли стало в последующие годы основным направлением политической борьбы аборигенов. На территориях, с которыми аборигены традиционно связывают себя, сосредоточены огромные природные ресурсы. В 1977 г., уступая давлению общественности, австралийский парламент принял Акт о земельных правах аборигенов, предоставив им право коллективного и безвозмездного пользования землями резерваций, которые считают землями аборигенов и которыми они могут самостоятельно распоряжаться через посредство выборных земельных советов<sup>46</sup>. Движение на землях резерваций и коренных землях аборигенов получило название движения за децентрализацию. Им охвачены те области континента (Северная, Центральная и Западная Австралия, Квинсленд), где в наибольшей степени сохранились традиционная социальная организация и культура аборигенов. Они покидают поселения при миссиях и правительственных станциях, где были сосредоточены люди разных общин и племен, и группами, основанными на традиционных связях, возвращаются туда, где жили их предки. Там они стремятся освободиться от контроля белых и организовать свою жизнь так, чтобы зависеть от белых как можно меньше. Одни группы возвращаются к охотничье-собираательской деятельности, сочетая ее с современными формами жизни, другие (таких больше) создают земледельческие и скотоводческие хозяйства на кооперативных началах. В тенденции к созданию кооперативов проявляются давно укоренившиеся начала коллективизма. В некоторых децентрализованных поселениях имеются свои школы, больницы и магазины.

На рост этого движения влияет и усиление активности горнодобывающих компаний, угрожающих интересам аборигенов. В богатом минеральными ресурсами Арнемленде, на севере страны, где большинство аборигенов еще недавно жило на территориях нескольких миссионерских и правительственных поселений, в 1977 г. насчитыв-

<sup>46</sup> Артемова О. Ю. Прошлое и настоящее коренных австралийцев.— Расы и народы, 1980, вып. 10; Миддлтон Х. Теперь пусть нам вернут землю. М. 1983.

валось 29 автономных децентрализованных общин, по собственной инициативе переселившихся на землях предков (примерно 10% коренного населения Арнемленда). Типичным примером проявления децентрализации здесь стала территория правительственного поселения Маннингрида, где было ранее собрано более 1 тыс. аборигенов. В 1970 г. они начали покидать Маннингриду и к 1977 г. образовали 18 децентрализованных поселений, куда перебралось около 800 человек. Они стремились начать там новую жизнь, основанную на традиционных ценностях, но с сохранением тех элементов европейской культуры, которые представляются им полезными: охотятся, занимаются морским промыслом, собирают растительную пищу и включают в меню европейские продукты, купленные в магазинах на деньги, выручаемые за работу по найму или за продажу своих изделий. Их жизненный уровень стал выше, чем был в Маннингриде. В школе учитель-абориген преподает на местном и английском языках. У них появились клиника, радиостанция, автомобили и моторные лодки. В Маннингриде учрежден централизованный совет аборигенов, который занимается их делами. Для Центральной Австралии характерны децентрализованные поселения к западу от Алис-Спрингс. В 1979 г. их насчитывалось 13. Там развиваются садоводство, птицеводство, пчеловодство, скотоводство. Децентрализованные поселения имеют еще немало нерешенных проблем, но аборигены желают сами решать собственные дела и определять свое будущее<sup>47</sup>.

Движение за децентрализацию — важнейшее событие в истории аборигенов с начала европейской колонизации Австралии. В настоящее время движением децентрализации охвачена почти половина коренного населения Арнемленда, Центральной и Западной Австралии. Основано около 100 децентрализованных поселений, и лишь небольшая часть аборигенов остается в стороне от идеи национального самоопределения. Культурная и языковая разобщенность, общинный и племенной сепаратизм пока слишком глубоки, чтобы можно было говорить об аборигенах Австралии как об уже целостной общности. Но их социальные и политические организации стремятся преодолеть эту разобщенность.

<sup>47</sup> См. Миган Б. Ф. Движение аборигенов за создание «внешних поселений»: возврат к прошлому или подготовка к будущему? В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Т. II. М. 1979, с. 21—23.